

ВЕРТОГРАД ВЕРЫ

Созерцание

Природу не надо осмыслять,
а только созерцать.
Осмысление природы – признак слабости зрения.
Думать, что жизнь содержится в форме
дает власть иллюзии.
Одним из великих наших богатств
является приобщенность к целому.
Человек обретает себя в таинстве,
его душа достаточно широка,
чтобы воссоединить в одном порыве небо и землю.
Мы не частица целого,
а тождественны целому
в зарождающейся совокупности.
Неизреченная Мудрость аналогично являет себя
в наших преходящих истинах.
В течение нашего житейского
паломничества,
останемся восхищенными
величием простого !

LE JARDIN DE LA FOI

Contemplation

Nous n'avons pas à penser la nature,
nous avons à la contempler.
Penser la nature, c'est être malade des yeux.
Croire que la vie peut être enfermée dans la forme
donne le pouvoir à l'illusion.
Une de nos plus grandes richesses
est de communier.
L'homme se découvre sacramentel,
son cœur est assez grand pour unir
dans un seul mouvement le ciel et la terre.
Nous ne sommes pas une parcelle du tout
mais identiques au tout
dans une globalité en germe.
La sagesse indicible se révèle par analogie
dans nos vérités éphémères.
Durant le pèlerinage
de notre existence,
restons émerveillés par la majesté du simple !

Древо креста

На коленях в каменистом саду агонии :

« Воля Твоя, а не моя. »

Иисус, один перед всеми, напряженный, открытый
всему миру в ночной темноте,

пьет до дна чашу слез своих,
до опьянения своей утробы любовью.

В трапезной, привязанный к колу своими палачами,
выставляющими Его напоказ,
обнаженный, униженный ударами, плевками,
на глазах оборванцев, смеющихся над этим поруганием.

Они наряжают Сына Человеческого в короля шутов,
забавляются его судорогами от непрерывных ударов бича,
наслаждаются его глухими жалобными стонами.

Продвигаясь, согбенный под тяжестью креста,
раздирающего его окровавленную спину,

Он падает, встает, падает вновь и встает.

Древо Жизни поднимается к вершине Голгофы.

Лишенный покровы плоти, Он приносит в жертву свою душу,
выставленный напоказ толпе, смеющейся над этим

зрелищем :

« Он нарекает себя Царем. »

Притиснутый к дереву креста,
который раздирает с треском его тело.

Воздвигнутый, распятый, с четырьмя железными гвоздями
в своей плоти,

Он пьет уксус, дарит свою кровь, испускает
громкий глас, освобождающий Его :

« В руки Твои предаю дух мой. »

Светозарная тьма великой Пасхи.

Bois de la croix

À genoux sur le roc du jardin de l'agonie :
« Que ta volonté soit faite et non la mienne. »
Tendu, seul face à tous, ouvert dans la nuit obscure,
Jésus boit la coupe de ses larmes jusqu'à la lie,
Il enivre ses entrailles d'amour.
Attaché au pieu dans le cénacle par ses bourreaux
pour le donner en spectacle,
nu, humilié par des coups, des crachats,
offert aux regards des gueux qui rient de leurs insultes.
Ils déguisent le fils de l'Homme en roi de carnaval,
s'amuse de ses ondulations sous les coups de fouet répétés,
dégustent avec plaisir ses plaintes étouffées.
Rampant sous le poids de la croix qui laboure
son dos ensanglanté,
Il tombe, se relève, retombe, se relève encore.
L'arbre de Vie remonte au sommet du Golgotha.
Dépouillé de son habit de peau pour offrir son âme,
exposé, exhibé à la foule qui rit du spectacle : « Il se dit roi. »
Couché avec autorité sur le bois de la croix
qui écartèle chacun des ses membres jusqu'à les faire craquer.
Dressé, crucifié, avec quatre clous de fer dans sa chair,
Il boit le vinaigre, donne son sang, pousse un grand
cri qui le libère :
« Entre Tes mains je remets mon esprit. »
Ténèbres lumineuses du grand passage de la Pâque.

Любовь

Лишь благодаря другому существует любовь,
себялюбие заточает её, зависть ее уничтожает,
скупость ее отрицает, привычка сушит её.
Любовь питается самопожертвованием,
лишь презрения достоин тот, кто хочет купить её.
Любовь предвосхищает просьбу любимого,
она опережает его желания, она взаимный ответ.
Любовь свершается в тайном алькове сердца,
где каждый отдается объятиям другого,
на брачный пир не зовут посторонних и праздных.
Любовь выражается понимающим взглядом, жестом,
она раскрывается в молчаливом поцелуе.
Любовь вступает в соитие с противоположным,
но той же природы, чтобы дополнить его,
во плоти из огня, воды, дыхания и нежности.
Сильна как смерть, она возносится над безднами,
примиряет крайности.
Любовь открывает тайну счастья,
приводя к встрече целостного существа
в единении, где настоящее приобщается к вечности.
Любовь не задает вопросов, она сама ответ,
она необъяснима, она живет в упоении мгновения.
Любовь никогда не исчерпывается.
Бог в Своем милосердии отвечает моей любви
Своей Любовью, беспредельной и вечно новой.

Amour

L'amour n'existe que par l'autre,
l'égoïsme l'enferme, la jalousie le détruit,
l'avarice le nie, l'habitude l'assèche.
L'amour se nourrit du don de soi,
celui qui veut l'acheter ne récolte que du mépris.
L'amour pressent la demande de l'aimé, il devance son désir,
il est une réponse réciproque.
L'amour se vit dans l'alcôve secrète du cœur
où chacun s'offre à l'étreinte de l'autre,
aucun étranger, aucun curieux n'est invité aux noces.
L'amour s'exprime à travers la complicité d'un regard, d'un geste,
il se formule dans le silence d'un baiser.
L'amour s'unit à son opposé de même espèce
pour devenir son complémentaire,
dans une chair de feu, d'eau, de souffle et de tendresse.
Fort comme la mort, il survole des abîmes, réconcilie les
extrêmes.

L'amour révèle le secret du bonheur
permettant la rencontre globale de tout l'être
dans une union où le présent communique avec l'éternité.
L'amour ne pose pas de question, il est sa réponse,
il ne s'explique pas, il se vit dans l'ivresse de l'instant.
L'amour n'a jamais fini d'être vécu.
Dieu dans Sa miséricorde répond à mon amour
par Son Amour infini et sans cesse renouvelé.

Цветок жизни

Как из кадила струится
приятный аромат
вишневого цветка.

Он катализатор света,
принимающий плодотворную пыльцу
от других подобных цветов.

Как монстранц, обращенный к солнцу,
на протяжении лишь нескольких суток,
он целиком отдается пламени любви,
чтобы свой плод принести небесам
в благое время.

Fleur de vie

L'arôme suave
de la fleur du cerisier
s'évapore comme d'un encensoir.
Elle est un catalyseur de lumière
qui se laisse féconder par le pollen
des autres fleurs de la même espèce.
Orientée vers le soleil comme un ostensor, elle se laisse brûler par l'amour
en l'espace de quelques jours,
pour produire en son temps
un fruit dans le ciel.

Смерть

Смерть может сломить жало разрушения и возродиться,
или вырвать росток посева.

Чтобы встретить смерть, и не раствориться в ней,
миндаль, мандорла первобытного сознания,
должен пережить тоску,
скорбь одиночества,
предсмертное отчаяние...

не сопротивляясь ей, как герой
или как безмятежный стоик, но вживаясь в нее,
сам устремляясь ей навстречу
и, как всадник, укрощая ее той любовью, которая
сильнее смерти.

Жизнь поглощает тление,
разрушительная смерть поправа,
пространство бессмертия прорывает скорлупу миндаля
и он вступает в воскресение, чтобы в него вписать жизнь.

Mort

La mort peut briser le dard de la destruction et renaître,
ou arracher le germe de la semence.

Pour affronter le passage de la mort sans s'y dissoudre
l'amande, mandorle d'une conscience primitive,
doit assumer l'angoisse,
la tristesse de la solitude,
la désolation de l'agonie...

non pas en l'affrontant comme un héros
ou un stoïcien impassible, mais en la vivant de l'intérieur,
en allant au-devant d'elle dans une continuité naturelle
pour la chevaucher dans un amour plus fort que la mort.

La vie absorbe la putréfaction,
la mort destructrice est jetée dehors.

Un espace de non-mort troue l'écorce de l'amande
qui entre dans la résurrection pour y inscrire la vie.

Жизнь

Почка мака-самосейки
расправляет свои крылья,
чтобы обнажилось
в пурпурном платье
эбеновое сердце.
« Черна я, но красива »
(Песнь песней 1, 5), --
молвит солнцу мак-самосейка.
Висящая на хрупком стебле,
она лобзает небо
алым поцелуем.

Vie

La coque du coquelicot
ouvre ses deux ailes
pour laisser éclore,
dans une robe écarlate,
un cœur d'ébène.
«Je suis noire et belle»
(Cantique des cantiques, 1, 5),
dit la fleur du coquelicot au soleil.
Suspendu sur sa frêle tige,
il embrasse le ciel
d'un baiser vermeil.

Чаяние земли

В сухое время года
роса освещает природу тысячами влажных огней.
А по утрам каждая травинка
получает насущную на день росинку.
Частица светозарной воды
утоляет, утешает, животворит.
Крестильной лаской
роса благословляет травинку,
и она клонится от прохлады ее прикосновения.
Влага росинки
не с неба нисходит,
она дар, восходящий
от влаги земли,
и струится до сердцевины лепестков,
хранящих ее в благоуханном ларчике.

Désir de la terre

La rosée pendant la saison sèche
éclaire de ses mille feux humides la nature.
Chaque matin, chaque brin d'herbe
Reçoit la goutte utile pour sa journée.
Cette parcelle d'eau lumineuse
désaltère, reconforte, vivifie.
La rosée bénit d'une caresse baptismale
Le brin d'herbe,
Qui s'incline sous l'effleurement de sa fraîcheur.
L'humidité de la goutte de rosée
ne tombe pas du ciel,
elle est un don qui s'élève
de l'humidité de la terre
et qui ruisselle jusqu'au cœur des pétales,
qui la recueillent dans un écrin parfumé.

Здесь и ныне

Если человек идет в будущее,
вдохновляясь своими воспоминаниями,
которые он возобновляет в бесконечности мгновений,
если он упорно ухватывается за прошедшие переживания,
он будет на каждом шагу спотыкаться.

Если человек закрывается в своем прошлом,
без конца вспоминая,
его зрение воспримет встречу сквозь вуаль призраков,
которые будут ухватываться за него.

Но, если когда-нибудь дверь в глубинах его человечности
открывается,

озаряется новым светом его тьма.

Взор воспринимает девственность мгновения,
освобождая реальность от всех оков.

Человеку представляется событие в невинном созерцании.

Восхищение наполняет глубину его души,
мгновение раскрывается в бесконечных возобновлениях.

Христос, как нищий, алчущий любви,

Неустанно стучит в дверь сердца человека.

Если он откроет, то они приобщаются на брачном пиру.

Ici et maintenant

Si l'homme progresse dans son avenir,
animé par ses mémoires
qu'il réactualise dans l'infini des moments,
s'il s'accroche obstinément à ses émotions passées,
il trébuche à chacun de ses pas.
Si l'homme s'enferme dans son histoire sans cesse ressassée,
son regard perçoit la rencontre à travers le voile des fantômes
qui s'accrochent à lui.

Mais si un jour la porte au fond de son humanité s'ouvre,
Une lumière nouvelle illumine ses ténèbres.
Le regard perçoit la virginité de l'instant,
libérant la réalité de tout enchaînement.
L'homme découvre l'événement dans une contemplation
innocente.

Le ravissement inonde la profondeur de son âme,
l'instant se révèle dans d'éternels recommencements.

Le Christ, comme un mendiant d'amour,
frappe inlassablement à la porte du cœur de l'homme.
Si celui-ci ouvre, ils partagent le repas de noces.

Растительный собор

Насадила Господь Бог сад.

От древа познания в саду Эдемском /Бытие/,
через расцветший жезл Аарона, дрок Ильи,
через древо Иессеево, Мамврийский дуб, акацию Хирама,
через древо животворящего креста на вершине

Лобного места /Голгофа/,

до древа жизни в небесном Иерусалиме, /Апокалипсис/
производящего двенадцать урожаев в год,
вся Библия вдохновлена щедрым послушанием природы,
призывая человека к возвращению в Царство.

Нарекает Адам животным имена,

Бог Господь говорит сквозь тишину деревьев и кустов.

Величавый кедр, могущественный дуб, оливковое дерево мира,
негниющая акация, миндаль в образе мандорлы,

плодоносная смоковница, ива оплакивания,

дрок с золотой почкой, виноград трезвого упоения, роскошный
плющ, нарцисс с опьяняющим ароматом,

лилия и лотос - отражение чистоты,

хлеб - свидетель человеческого труда...

Здесь имена : пшеница, полба, лен, ячмень, бобы, чечевица.

Вечные имена : мандрагора, иссоп, тмин, кориандр, полынь,
колоквинт, мирра, сикомор, пальма, неопалимая купина...

Cathédrale végétale

Dieu crée un jardin.

De l'arbre de la connaissance dans le jardin d'Eden (Genèse),
en passant par le bâton fleuri d'Aaron, par le genêt d'Elie,
l'arbre de Jessé, le chêne de Mambré, l'acacia d'Hiram,
par le bois de la vivifiante croix au sommet du crâne (Golgotha),
pour arriver à l'arbre de Vie de la Jérusalem céleste (Apocalypse)
qui produit douze récoltes par an,
toute la Bible s'inspire de l'obéissance généreuse de la nature
pour inviter l'homme à revenir dans le Royaume.

Adam nomme les animaux,

Dieu parle à travers le silence des arbres et des buissons.

Cèdre majestueux, chêne puissant, olivier de la paix,
acacia imputrescible, amandier à l'image de la mandorle,
figuier généreux, saule des pleurs, genêt à la fleur d'or,
vigne de la sobre ivresse, lierre exubérant,
narcisse à l'arôme enivrant, lis et lotus images de la pureté,
blé révélateur du travail de l'homme...

Des noms d'ici : froment, épeautre, lin, orge, fève, lentille.

Des noms de toujours : mandragore, hysope, cumin, coriandre,
absinthe, coloquinte, myrrhe, sycomore, palmier, buisson ardent...

Утреннее лобзание солнца

В тихой прозрачности зари
псалмопение утрени призывает день к восходу,
ветерок благоухает ладаном.
Прекрасный день радужно озаряется,
Солнце восходит над холмом,
на вершине которого выделяются дубы,
подобно китайским теням.
Пейзаж открывается краскам полевых цветов,
и переливам птиц.
Ранняя цикада качает пространство
своим мерным стрекотом,
она нас приглашает вместе угощаться
вареньями и хлебом за горячим кофе.
Каждый воздерживается от размышлений,
Наслаждаясь простым движением руки,
освобождающим его от всякой воли.
Воздух, насыщенный покоем, указывает дорожки,
доступные лишь утихшему взору.
Око пронзает пространство, неустанно созерцая
сию сверкающую мириадами блесков природу.
Наши полужакрытые глаза готовы принимать
оплодотворение лобзанием нового дня.

Baiser matinal du soleil

Dans la transparence silencieuse de l'aurore,
la psalmodie des matines invite le jour à naître,
la brise se parfume d'encens.
Une belle journée se colore de lumière,
le soleil se lève sur la colline
au sommet de laquelle des chênes
se découpent en ombres chinoises.
Le paysage s'ouvre aux couleurs des fleurs des champs,
et à la ritournelle des oiseaux.
La première cigale berce l'espace
de son grésillement cadencé,
elle nous invite à partager des confitures
et du pain autour d'un café chaud.
Chacun se retient de penser, il savoure son geste,
le libérant de toute volonté.
L'air, baignant dans la sérénité, révèle des chemins
que seuls les regards légers peuvent emprunter.
L'œil plonge dans l'espace sans se lasser
de contempler cette nature aux mille éclats.
Nos yeux mi-clos se laissent féconder
par le baiser d'un jour nouveau.

Тишина

За пределами слов,
за пределом смысла
есть тишина.
Настает время,
когда созерцание — только тишина.
Благодать оставляет в душе тишину,
наполняя ее Присутствием.
Душа только и внимает этой тишине.
Тишина полноты данного мгновения.
В тишине легкого сердца
Бог шепчет :
«Ждал я тебя !»

Silence

Au delà des mots,
Au delà des sens
est le silence.
Vient un moment
où la contemplation n'est plus que silence.
Silence que la Grâce dépose dans l'âme
En l'inondant de la Présence.
L'âme ne peut plus qu'écouter ce silence.
Silence de la plénitude de l'instant présent.
Dans le silence du cœur léger
Dieu souffle :
« Je t'attendais ! »

Боюсь

Боюсь дерзнуть,
но еще больше боюсь
не дерзнуть,
дать жизни остыть,
не смея ничего предпринять,
заклечь существование
во внешние границы,
никогда не стремясь внутренне преодолеть самого себя,
не смея целиком подвергнуть себя сомнению,
не по безрассудству,
а в бдящем и веселом
сверхсознании скомороха,
который поет, пляшет, живет своей жизнью.
Прожить каждый миг в единении с вечностью,
не превращая его в замкнутое мгновение,
в плену у страха, сомнения, наслаждения.
Всецело открыться объятию
животворящего Огня,
преображающего тусклое существование
в Жизнь подлинную и щедрую.

J'ai peur

Si j'ai peur d'oser,
j'ai peur encore plus
de ne pas oser,
de tiédir ma vie
en n'osant rien entreprendre,
d'enfermer mon existence
à ses limites extérieures,
sans jamais chercher à me dépasser intérieurement,
sans oser me remettre en question tout entier,
non dans une inconscience folle,
mais dans l'hyperconscience
vigilante et amusée du baladin
qui chante, danse, vit sa vie.
Vivre l'instant relié à l'éternité,
ne plus en faire un moment clos,
enfermé par la crainte, le doute, le plaisir.
S'ouvrir tout entier à l'étreinte
du Feu vivifiant
qui transfigure une pâle existence
en Vie vécue et partagée.

Художник

Художник оплодотворяет произведение,
завершая то, что потенциально содержится в нем.
Он не предписывает внешнюю форму,
но смиренно отдается откровению.
Художник соединяет в одном порыве
небо и землю,
Творца и Его тварь,
время и вечность...
Он повинуется законам сходным с теми,
которые управляют вселенной,
сокращая лишь время.
Искусство становится священным, благодарственным,
литуургическим,
оно связывает художника с Божьим Святым Духом.
Художник насыщается не творчеством,
а Присутствием, открывающимся через него.
Первой иконой,
которую человек должен сотворить перед Богом,
является он сам.

Artiste

L'artiste féconde l'œuvre en parachevant
ce qui est potentiellement inscrit en elle.
Il n'impose pas une forme extérieure,
mais obéit humblement à la révélation.
L'artiste unit dans un seul mouvement
le ciel et la terre,
le Créateur et Sa création,
le temps et l'éternité...
Il obéit aux mêmes lois
que celles qui régissent l'univers,
il en réduit le temps.
L'art devient sacré, action de grâce, liturgique,
il relie l'artiste à l'Esprit-Saint de Dieu.
L'artiste n'est pas rassasié par l'œuvre
mais par la Présence qui se révèle à travers elle.
La première icône
que l'homme doit accomplir devant Dieu,
c'est lui-même.

Монах

Монах - не совершенство.

Напротив, он тот, кто признает себя грешным,
слезами измеряя то внутреннее расстояние,
что отделяет его от Бога.

Монах не бежит от мира,
иначе он бежал бы от самого себя.

В день полной свободы,
он приоткрывает завесу храма своей души,
и перед ним мелькает яркий Свет Фавора.

Этот отнюдь не мнимый огонь оставляет на нем отпечаток,
ностальгию, которую никакое мирское наслаждение

не сможет утолить.

В ограде обители

монах не вне мира, а в средоточии мира ;
вне времени,

он укореняется в вечном настоящем.

Он волен уйти, но добровольно остается,
волен спать, но бодрствует ради любви.

Он зрит без зрения, внемлет тишине.

Восхищенный Богом, он лишь стремится,
чтобы его тело стало живым вместилищем Духа Святого.

Аскеза, славословие, откровение помыслов
являются средствами для очищения самого себя.

При пострижении он дает три обета :
послушание, нищета, целомудрие.

Moine

Le moine n'est pas un parfait.

C'est, au contraire, celui qui se reconnaît pécheur,
qui mesure dans les larmes la distance intérieure
qui le sépare de Dieu.

Le moine ne fuit pas le monde,
sinon il se fuirait lui-même.

Un jour de grande liberté,
il entrouvre le voile du temple de son âme,
où il entrevoit l'éclat de la Lumière thaborique.

Cette brûlure qui n'a rien d'imaginaire lui laisse une empreinte,
une nostalgie qu'aucun plaisir du monde ne saurait combler.

Dans l'enceinte de son monastère

le moine n'est pas en dehors du monde mais dans le cœur du
monde ;

hors du temps horizontal,

Il s'enracine dans un éternel présent.

Libre de partir, il choisit de rester,

libre de dormir, il veille par amour,

il voit sans yeux, écoute le silence.

Ivre de Dieu, il n'a qu'un seul désir :

que son corps devienne le réceptacle vivant de l'Esprit-Saint.

L'ascèse, la louange, la révélation des pensées

sont les moyens qu'il utilise pour purifier son être.

L'obéissance, la pauvreté, la chasteté dans l'esprit

sont les trois vœux qu'il prononce à sa prise d'habit.

Светопись

Фотография есть искусство :

она не сводится к внешнему облику.

Она способна запечатлеть то незримое трепетание,
которое прорывается из глубины творения.

Её светопись

улавливает вечные движения,

увековечивает повседневные жесты.

Она свидетельствует о гармоничности красоты,

выявляет за портретом благородство лика,

нежную прозрачность листьев ...

Изображение объективно передаёт обнаженную реальность.

Фотография может уловить энергию дыхания,

до его превращения в движение,

мощь скрытого взора в глазах,

схватив его в самих истоках сердца.

Быть не зрителем, а зрящим,

не делать снимки,

а принимать предстоящие перед нами фотографии

в тройственном соработничестве :

он, я и Дух.

Отец Иоанн – Скит Святой Веры Ажанской – Франция

Интернет сайт : www.photo-frerejean.com

Перевод Анны Давиденковой

Écriture de lumière

La photographie est un art
qu'il ne faut pas limiter à l'apparence,
elle peut saisir le tressaillement invisible
qui jaillit des profondeurs de la création.
Par une écriture de lumière,
elle surprend des mouvements éternels,
immortalise des gestes quotidiens.
Elle témoigne de l'harmonie de la beauté,
révèle la noblesse d'un visage derrière le portrait,
la transparence délicate d'une feuille...
L'image montre objectivement la réalité dépouillée.
La photographie sait capter l'énergie du souffle,
avant son jaillissement dans le mouvement,
la puissance du regard derrière les yeux,
en le surprenant à son origine dans le cœur.

Non pas voyeur, mais voyant,
non pas prendre des photographies
mais recevoir des photographies
dans une complicité à trois :
lui, moi et l'Esprit.

Frère Jean Skite sainte Foy – 48160 St Julien-Points - France
www.photo-frerejean.com

